

«Экзистенциализм» или «экзистенциальная философия»? Нюансы важны.

Понятие “экзистенциализм”, или “философия существования”, определить чрезвычайно трудно, тем более что “экзистенциалистом” из мыслителей этого направления называл себя только Ж.-П. Сартр в работах 1940-х — 1950-х годов.¹ Не объединяем ли мы в этом случае по собственному произволу мыслителей, которые не пожелали назвать себя этим именем? Скорее, говоря “экзистенциализм”, мы чаще всего подразумеваем “экзистенциальная философия” (к которой очень близка философия персонализма. – М.Шелер, Э. Мунье и др.)² Последнее понятие гораздо шире и не предполагает четко фиксированной программы, кредо, понятийного аппарата и т. д. Представители этого течения (очень редко именующие себя экзистенциалистами) прослеживают свою философскую родословную от св. Августина, Монтеня, Шекспира, Паскаля, Достоевского. В течение XX века к этому направлению относили столь несхожих между собой авторов, как М. Хайдеггер, Ж.-П.Сартр, А.Камю, К.Ясперс, Г.Марсель, М. де Унамуно, Х.Ортега и Гассет, Н.Бердяев, Л.Шестов, М.Бубер, Ф.Розенцвайг, Н.Аббаньяно, П.Тиллих, К.Барт, Р.Бультман и многих других. На первый взгляд, характеристики течения весьма разнообразны. Скажем, Марсель и Сартр (как и многие другие из названных мыслителей) едва ли могли бы прийти к согласию хотя бы по одному важному вопросу. Следовательно, определять «экзистенциализм» посредством набора философских формул было бы ошибочным. Любая формула, достаточно объемная

¹ Интереснейшая тема – история термина «экзистенция» («существование») в европейской философии патристики, схоластики (номиналистическая традиция) и Нового времени (прежде всего британский эмпиризм) не входит в задачу нашего исследования. Отсылаем читателя, например, к статье П.П. Гайденко «Существование» (см. Новая философская энциклопедия». М.: Мысль, 2001. Т. 3, С. 677-679). Нас в данном случае интересует только тот новый смысл, который вкладывался в данный термин начиная с С.Кьеркегора.
² В дальнейшем, используя «в силу традиции» термин «экзистенциализм», мы будем подразумевать именно «экзистенциальная философия».

для описания всех тенденций экзистенциального философствования, может оказаться пустой и бессодержательной для конкретного примера. Кроме того, экзистенциалистский “словарь” часто использовали и те мыслители, которых ни в коем случае нельзя назвать экзистенциалистами: например, неотомист Ж. Маритен использовал экзистенциалистские понятия, обсуждая проблемы тревоги, вины, отношения человека к Богу и т.д. Но это скорее свидетельствовало о популярности экзистенциальной философии.

Как же в такой ситуации возможно выстроить “генеалогическое древо” экзистенциальной философии? Скорее всего, так: существуют несколько повторяющихся тем, не обязательно связанных друг с другом, однако в истории мысли попадающих в некую общность. Эти темы таковы: 1) личность (индивид) и система; 2) интенциональность сознания; 3) «временность» сознания, 4) бытие и ничто; 5) абсурдность; 6) свобода 7) природа и значение выбора; 8) роль пограничного опыта (пограничной ситуации); 9) смысл и значение коммуникации.

Экзистенциализм (экзистенциальная философия) возник в XIX веке как протест против философских и научных систем, считающих все индивидуальное, в том числе и человека, лишь экземпляром рода или реализацией всеобщего закона. Первым его представителем считается датский религиозный мыслитель Серен Кьеркегор (1813 -1855). Он был христианским писателем и считал себя своего рода миссионером, чьей задачей было вернуть “жизнь духа” в домен христианства. Кьеркегор считал, что традиционные церкви Европы отпали от подлинного христианства, требовавшего личной жертвы, риска и желания страдать вместе с распятым Христом. Вместо этого церкви создали «религию благодушия и самодовольства», отождествлявшую христианскую религию с традиционными моральными добродетелями. Кьеркегор писал, что необходима отмена “географического” христианства, когда считалось, что все, родившиеся в христианских странах, автоматически становятся христианами. Христианство, считал Кьеркегор, требует *личного* выбора и обязательства. По его мнению, рационалистическая теология,

происходящая из духа Просвещения, оправдала “домен христианства” из-за своего оптимистического взгляда на природу человека и на то, что “все идет к лучшему в этом лучшем из миров”. «Либеральные» протестантские теологи XIX века, единомышленники и последователи Ф.Шлейермахера, считали, что люди обладают *естественной* способностью познать религиозную истину сами по себе, и таким образом элиминировалась необходимость исторического Откровения как основания веры. А также, поскольку религиозная жизнь сводилась к моральной, то доктрина человеческой греховности сводилась почти к нулю. Таков был дух Просвещения в целом. Канта, например, интересовала “религия в пределах только разума”,³ где основные догматы христианской веры, чисто моральной религии, выводились из практического разума. Гегель оправдывал содержание христианства посредством сугубо философского анализа и терминологии. В теологии Шлейермахера религиозный опыт уз и зависимости становился основанием веры. Хотя все эти мыслители отводили определенную роль Божественному Откровению в истории, все же истинность любого такого Откровения была для них чем-то, что необходимо подтвердить с помощью выводов критической рефлексии. Шлейермахер, по его словам, обращался к «образованным людям, презирающим религию». Таким образом, Откровение подчинялось разуму.

Вопреки таким воззрениям Кьеркегор поставил догматы веры выше категорий разума и сделал их главными в понимании религиозности. В сочинении “Страх и трепет” (1843) Кьеркегор стремился показать, что жизнь веры, представленная для иудеев и христиан (добавим, что и для мусульман тоже — Т.Л.) в образе Авраама, не может быть понята лишь в этических терминах, поскольку вера Авраама обнаруживалась через действие, которое *нельзя* было оправдать этически — а именно, подчинение себя воле Бога посредством жертвоприношения сына Исаака.⁴ В “Философских крохах” (1844)

³ Кант различал “религию в пределах только разума” и “религию Откровения”, но последняя интересовала его гораздо меньше.

⁴ С точки зрения многих христианских мыслителей, жертвоприношение Исаака является прообразом жертвоприношения Сына Божьего. Исаак, единственный и любимый сын Авраама, ведомый

Кьеркегор утверждал, что “сократовское” (т.е. рационалистическое — Т.Л.) положение о способности людей силами собственного разума прийти к религиозной истине несовместимо с христианской доктриной человеческой греховности и что спасти человека и даровать ему истину может только сам Бог. В “Заключительном ненаучном послесловии к “Философским крохам”” (1846) Кьеркегор писал, что христианская вера с необходимостью включает в себя некий вид “субъективности”, или “страсти”, которая ни в коем случае не может быть результатом философской рефлексии. Через все “Послесловие” красной нитью проходит критика гегелевского стремления достичь абсолютного и полного понимания реальности. Кьеркегор говорил о незавершенности и историчности человеческого существования, а также о бессилии разума найти “объективную” истину в этом вопросе. Гегелевская система, считал Кьеркегор, не может иметь ни начала, ни конца: она не может начаться реально (как представлял себе это Гегель) без предпосылок, поскольку человек изначально находится “в ситуации”, “в мире”, и он *предельно озабочен* своим существованием. Человеческое существование в силу этого же не может быть полностью завершенным, тогда как “система” требует завершенности.

Кьеркегор провозгласил, что наше собственное существование как уникальных индивидов в конкретных ситуациях не может быть адекватно понято посредством философских и научных теорий и что такие теории лишают нас возможности индивидуального выбора и самоосуществления. Таким образом, экзистенциальное философствование начинается с описания человеческой самости как “существующей индивидуальности”, но при этом взгляды мыслителей на человеческое существование весьма различны. И все же есть нечто общее. Начиная с Кьеркегора, экзистенциальные мыслители утверждали, что у человека нет цели или сущности, которая дана ему Богом или задана природой; каждый из нас сам должен выбирать и решать, кто он такой. Здесь в

собственным отцом на заклание и сам несущий дрова для своего жертвоприношения — первый в Ветхом Завете прообраз страданий Христа, отданного Отцом в жертву искупления и самолично несшего свой крест.

определенном смысле воспроизводится постулат номиналистов (Генрих Гентский, Петр Испанский, Уильям Оккам, Жан Буридан и др.) о том, что существование предшествует сущности.

Что касается темы «индивидуальное и общее», «личность и система» — то ее, пожалуй, можно назвать ключевой. Кьеркегор придумал для себя эпитафию: “Здесь покоится Единичный”. Понятие “Единичного”, отдельного индивида Кьеркегор противопоставил как философским системам, так и массовым стереотипам. Между этими полюсами существует связь. Для Кьеркегора всякая философская система была попыткой понять индивидуальное существование внутри понятий рода и вида, пребывающих в *логически необходимой* связи с логикой универсума. Люди в своей массе, живущие в стереотипной роли, — это те, кто осознает себя через понятия, которые они воплощают (например, гражданин, прихожанин, пастырь, семьянин и т.д.). В любом случае индивид вторичен по отношению к воплощаемому им понятию. Однако, утверждал Кьеркегор, а за ним и другие «экзистенциалисты», индивидуальное существование первично, а понятия — это лишь неадекватное стремление постичь индивидуальное существование, которое всегда ускользает от концептуализации. На первый взгляд могло показаться, что экзистенциальная философия близка к романтизму. Однако это не так, экзистенциализм в своей основе отличается от романтизма. Например, если романтизм пытался пробудить в человеке сопричастность к величию и красоте природы, то Кьеркегор и большинство его «последователей» писали о том, что на самом глубинном уровне человек не имеет подлинной связи с чем бы то ни было природным. Отчуждённость человека от природы постулировалась как основа его существования.⁵ Так что едва ли правы исследователи, включающие в “родословную” экзистенциализма, например, Байрона, Шелли, Китса, Гёльдерлина. Да и Шекспира (вопреки убеждению Л.Шестова) едва ли можно в нее включить.

⁵ Ничто сущее в мире, кроме человека, не ведает своей смертности, поэтому между человеком и природой лежит пропасть, он «изгнанник» в мире.

Кьеркегор предвосхитил многих авторов XX столетия, утверждая, что поступок и выбор личности можно понять только с позиции “участника”, а не “зрителя”; таким образом позиция философа смещается от “созерцания” к “соучастию”. Кьеркегор в конце концов пришел к выводу, что понять Индивида можно только разрушив Систему. Образцом философской системы для него была система Гегеля, а рационалистическая метафизика стала предметом его нападок и издевок. Но Кьеркегор не отрицал объективной (точнее даже, абсолютной) истины. Он полагал, что реальность является целостной системой *для Бога*. Что же касается “предельной” истины *для человека*, то, по его мнению, она может быть достигнута лишь мыслителем в его *существовании* — т.е. в страсти и риске выбора. Можно сказать, что человек, чью душевную жизнь Кьеркегор называл “субъективностью”, живет *в истине* только в том случае, если он верит в то, что не является истиной “объективной”.

Парадокс состоит в том, что именно рационалистическая метафизика послужила основанием для экзистенциальной философии: ведь последняя представляла собой бунт именно против метафизики, а «экзистенциалисты» — это разочарованные рационалисты. Кроме того, экзистенциализм XX столетия (Хайдеггер, Сартр, Ясперс) многое берет из гегелевской доктрины, отвергаемой Кьеркегором. В тех же странах, где существовала богатая история эмпиризма (Британия, США), экзистенциализм не получил глубокого развития и популярности. Пример протестантского теолога и экзистенциального философа Пауля Тиллиха подтверждает это: он до 47 лет прожил в Германии, приехав в США вполне сложившимся мыслителем.

XIX век продемонстрировал великое разнообразие философических бунтов против представления о том, что мир есть целостная система — будь она сотворенной Богом или просто развивающейся через эволюционный процесс ко все более и более высоким целям. То, что в мире нет смысла, что в нем нет видимых рациональных связей и структур, было, например, центральной темой повести Ф.М.Достоевского “Записки из подполья” (1864).

Достоевского нередко называют предтечей экзистенциализма именно потому, что вследствие своего разочарования в рационалистическом гуманизме он показал абсолютную непредсказуемость мира, вследствие которой герои встречаются лицом к лицу со случайностью, губительной для них. Любая установленная связь между вещами и событиями может разрушиться в любую секунду. Порядок, а тем более гармония — это не более чем обманчивые маски мира, и в особенности мира социального. Таким образом, человек сталкивается с миром без какого-либо рационального образца, посредством которого он мог бы надеяться “приручить” этот мир. Разум приведет человека только к обобщениям, логическим выводам и умозаключениям, которые погубят его, если он в них поверит. В “Записках из подполья” Достоевский показывает тот путь, где выбор, даже абсолютно иррациональный и абсурдный, сохраняет человеческую индивидуальность. В романе “Братья Карамазовы” (1880) он с огромной художественной мощью говорит о том, что, увы, человеческие страдания и зло ничего не значат в мире, сотворенном Богом. Но даже в таком двойственном мире сохраняется наша свобода — та свобода, что возвеличена Богом в смиренном образе Христа.

А за двадцать лет до Достоевского в поэтическом эссе “Повторение” (1843) тот же Кьеркегор устами одного из своих героев ставил мучительные вопросы: “Где я? Что значит сказать — мир? Каково значение этого слова? Кто заманил меня сюда и покинул здесь? Кто я? Как я оказался в мире? Почему меня не спросили, почему не познакомили с его правилами и обычаями, а просто всунули в него, как будто я был куплен у продавца душ? Как я оказался вовлеченным в это огромное предприятие, называемое действительностью? Разве это не дело моего выбора? И кому я могу пожаловаться?”⁶ Очевидно, что в 1840-е годы (да и позже!) большинство даже самых образованных читателей были убеждены, что наш мир покоится на разумных основаниях и, пожалуй, является если и не лучшим из возможных, то, по крайней мере, не худшим. Поэтому откровения Кьеркегора казались им не более чем бредом безумца.

⁶ *Kierkegaard S. Repetitiones. //Kierkegaard's Writings. Princeton, 1983. Vol.V, p.200.*

Еще один мыслитель, сильнее всего повлиявший на философию экзистенциализма — это Фридрих Ницше. Ницше, как и Достоевский и Кьеркегор, настаивал, что человеческое мышление изначально “заинтересовано”, “вовлечено”, “страстно” в большей степени, нежели “объективно” и “отстранено”, а также что мир не является и не может быть смыслообразующим для человеческого существования. Ницше не только подчеркивал “заинтересованный” характер человеческого мышления, но и бросал вызов христианской теологии тем, что называл христианскую мораль моралью слабых, основанной на негодовании и зависти. Он призывал исследовать неосознанные мотивы, лежащие “под” тем, что привыкли называть «христианской любовью», а также считал, что Бог является наибольшей угрозой для человеческой свободы и независимости. Ницше писал, что развитие науки и критического мышления привело к тому, что люди утратили способность верить в трансцендентное основание ценностей. Когда Ницше писал о «смерти Бога», он имел в виду, что всё, прежде полагавшееся абсолютным: космический порядок, платоновские идеи, божественная воля, разум, история, государство — суть не что иное, как конструкции лишь человеческого разума вне какого-либо трансцендентного авторитета, указывающего нам, как жить.

Перевод трудов Кьеркегора и открытие взглядов Ницше имело огромное влияние на немецкую мысль после I Мировой войны.⁷ Мартин Хайдеггер под влиянием Кьеркегора и “философии жизни” Ницше и Дильтея начал свою главную работу “Бытие и время” (1927) с “экзистенциальной аналитики”, стремящейся описать жизнь с точки зрения конкретного “бытия-в-мире” (In-Der-Welt-Sein). Да и не только в Германии, и не только в философии происходило осознание невозможности существования какого бы то ни было рационального основания для мира и человека. То, что Кьеркегору открылось раньше других, через полвека после его смерти почувствовали многие мыслители и

⁷ Хотя Кьеркегор жил в 1-ой половине XIX в., его творчество практически не было известно за пределами Дании (а также Норвегии и Швеции) до начала XX в. В XIX в. популярности Кьеркегора препятствовала ожесточенная критика со стороны либеральной протестантской мысли (А. Гарнак, А. Ричль, Э. Трёлльч и др.). Кьеркегор был белой вороной в общей атмосфере “благодущия и оптимизма”.

литераторы, другие же остались в мироощущении XIX века. Это очень ярко проявилось и в художественной прозе той эпохи: например, хронологически творчество Дж.

Голсуорси и Ф.Кафки пересекаются, но их миры абсолютно несоизмеримы. Голсуорси описывал человеческие драмы викторианской и поствикторианской Англии, и эти драмы кажутся настоящей пасторалью в сравнении с жизнью маленького человека, у которого даже нет имени, господина К., путающегося в паутине абсолютно непонятных и чуждых для него связей и порядков мира, неизбежно ведущих его к гибели.

Вряд ли имеет смысл в данном исследовании восстанавливать хронологическую последовательность выхода в свет наиболее значимых произведений экзистенциальной философии.⁸ Важнее вспомнить еще одну философскую традицию, сильнейшим образом повлиявшую на экзистенциализм — это феноменология. За исключением, разумеется, Кьеркегора, экзистенциальные философы пользовались концептуальным аппаратом феноменологов Ф. Brentano (1838 - 1917) и Э. Гуссерля (1859 - 1938), а через них — Р.Декарта.⁹ Пытаясь ответить на вопросы: что такое эмоция? что такое вера? что такое желание? что такое оценка? и т.д. — феноменологи стремились отмежеваться от ассоциативной психологии, объяснявшей все переживания исключительно натуралистическим образом. Вопреки ассоциативистам феноменологи подчёркивали, что вера — это всегда вера во *что-то*, желание — это всегда желание *чего-то*, а ненависть — всегда ненависть к *чему-то* и т.д. Объект желания, веры, страха, ненависти — вовсе не обязательно реальный, эмпирический объект или состояние вещей в окружающем мире. Я могу верить лжи; бояться того, чего не существует, или сердиться на то, чего вообще не происходило. В этом смысле «философский камень» ничуть не более реален, чем обыкновенный булыжник. Лютер швырял в явившегося ему чёрта чернильницей — и как объект сознания чёрт был не менее реален для Лютера, чем чернильница... Так что объект

⁸ Наверное, патриотам России будет приятно узнать, что «первыми» произведениями экзистенциальной философии XX века считаются «Апофеоз беспочвенности» Л.Шестова (1905 г.) и «Философия свободы» Н.Бердяева (1911)

⁹ В связи с Декартом обратим ещё раз внимание на то, что не следует до конца отрывать, как это делается в учебной литературе, экзистенциализм от классического рационализма. Мосты не были сожжены.

веры, желания, ненависти и т. д. — не внешний по отношению к самой эмоции или акту познания. Это, согласно феноменологии, *интенциональный объект*. Хотя понятие интенциональности и не следует понимать *только* в духе экзистенциальной философии, оно все же неотделимо от экзистенциального понимания сознания. Только через понятие интенциональности кьеркегоровские темы стали у Хайдеггера частью онтологии и гносеологии.

В постгуссерлианском экзистенциализме, особенно у Сартра, доктрина интенциональности использовалась, чтобы подчеркнуть фундаментальное различие между моим знанием о самом себе и моим знанием о других людях. Другие люди, согласно Сартру, видятся не такими, как они есть сами по себе, а в качестве интенциональных объектов моих восприятий, влечений, верований и т.д. Но для самого себя я никогда не смогу стать интенциональным объектом, да и вообще объектом не являюсь, а если другие люди меня рассматривают в качестве объекта (что неизбежно), то я испытываю чувство гнева и стыда.

Невозможно сейчас проанализировать все указанные выше ключевые темы экзистенциальной философии, но тема бытия и небытия (ничто) в контексте данного исследования (а именно, экзистенциализм религиозный и атеистический) мне представляется наиболее важной. Экзистенциальная философия возрождала онтологию в противовес гносеологии, логике и эпистемологии, превалировавшим в философии 2-ой половины XIX и начала XX века. Экзистенциальные мыслители стремились понять бытие в качестве *непосредственно данного* и преодолеть как рационализм, так и эмпиризм традиционной философии. Бытие, согласно экзистенциальной философии, не есть ни “идея”, умопостигаемая сущность идеалистической философии, ни эмпирическая реальность, данная в восприятии. Бытие должно постигаться интуитивно; при этом философы стремились раскрыть онтологический смысл переживаний, который выступал как направленность (интенциональность) на нечто трансцендентное самому переживанию.

Основное определение бытия, как оно открыто нам, *нашего собственного бытия, экзистенции*, — это его несокрытость (алетейя), открытость для трансценденции. А главная характеристика экзистенции — ее конечность, смертность, “бытие-к-смерти”. Человек — это единственное существо в мире, которому ведома его смертность, а вместе с нею и бытие. Именно вследствие осознания смертности для экзистенции возможно трансцендирование, т.е. выход за собственные пределы.

С точки зрения религиозного экзистенциализма (К.Ясперс, Г.Марсель, М.Бубер, П.Тиллих, К.Барт, Н.Бердяев, Л. Шестов и др.) трансцендентное — это Бог. Согласно же Сартру и Камю, трансцендентное есть *ничто*, выступающее как глубочайшая тайна экзистенции. Сартр в книге “Бытие и ничто” писал: “Мы отправились на поиск бытия, и нам показалось, что серия вопрошаний о бытии привела нас к его средоточию. Так вот, взгляд, брошенный на само вопрошание в момент, когда мы думаем достичь цели, внезапно открывает нам: мы окружены ничто”.¹⁰ И далее: “Если ничто может быть явлено, то не перед, не после бытия, не, вообще говоря, вне бытия, но только в самих недрах бытия, в его сердцевине, как некий червь”.¹¹ Очевидно, что доктрина Сартра носит ярко выраженный нигилистический характер. Иной была позиция Хайдеггера, особенно в поздний период его творчества. Хайдеггер признавал реальность трансцендентного и считал, что рационально познать его невозможно, на него можно лишь “намекнуть”; у Хайдеггера преобладает тенденция символическая и мифопоэтическая. Но сама по себе экзистенциальная философия, как показал XX век, является религиозно и теологически нейтральной. Все зависит от позиции конкретного мыслителя. Если единственное оправдание любой веры в конечном счете — это то, что я *выбрал веру*, то же самое оправдание в равной мере подходит для любой веры, будь она теистической или атеистической. Но, поскольку экзистенциализм касается проблем личности, его основные темы очень близки традиционной христианской теологии и антропологии.

¹⁰ Сартр Ж.П. Бытие и ничто. М., Республика, 2000, с.44.

¹¹ Там же, с. 59.

Итак, экзистенциальная философия возникла как религиозная, но уже в 1930-е годы стало возможным говорить о двух её основных направлениях — религиозном и атеистическом. Понятие “религиозный экзистенциализм” шире, чем “экзистенциальная теология”, поскольку теология как таковая является спекулятивно-умозрительной доктриной, создаваемой на основании текстов Откровения. Мы не найдем спекулятивно-умозрительной доктрины ни у Кьеркегора, ни у Марселя или Бубера, а также Унамуно или Шестова.¹² Кроме того, мне представляется необоснованным мнение некоторых авторитетнейших исследователей (М. Элиаде), ограничивающих религиозный экзистенциализм не просто христианством, но лишь одной его конфессией — протестантизмом. Вопрос риторический: а как нам быть, в таком случае, с Марселем (католицизм), Бердяевым (православие), Бубером (иудаизм), Унамуно (католицизм), Аббаньяно (католицизм), Розенгцвайгом (иудаизм) и др.? Разумеется, каждый из этих мыслителей был “маргиналом” и в рамках своей религии и конфессии нажил немало врагов (например, книги Н.Аббаньяно папским указом были запрещены к печати). Но ведь и Кьеркегор не стал бы “пророком”, будь он «традиционно» философствующим богословом, добропорядочнейшим бюргером и прихожанином лютеранской церкви.

Термин “экзистенциальная теология” принимают далеко не все историки философии и уж тем более не все теологи. Чаще всего он используется для описания трудов ряда протестантских теологов XX века (П.Тиллих, Р.Нибур, Р.Бульман, К.Барт, Э.Бруннер и др.), которые одновременно были философами и находились под влиянием идей С. Кьеркегора, Ф.М. Достоевского, а также целой плеяды мыслителей и литераторов XX века — М.Хайдеггера, Ф.Кафки, А.Мальро, А.Камю и др. В самом общем контексте можно сказать, что эти теологи стремились понять Бога в его отношении к ситуации отдельного человека; их анализ человеческого существования акцентировал свободу

¹² Если считать, что теология может быть выражена в форме мистико-интуитивного озарения (например, Псевдо-Дионисий Ареопагит, Тертуллиан, Бл. Августин, св. Франциск Ассизский и все средневековые августинисты), то опять-таки, кроме Мартина Бубера, мы ни у кого из экзистенциальных мыслителей не найдем этого учения об озарении.

индивида формировать собственную идентичность посредством *выбора*, а также парадоксальный, двойственный и абсурдный (с точки зрения рациональности) характер той реальности, с которой сталкивается человек. Религиозная вера рассматривалась в ее тесной связи с чувствами (экзистенциалами) отчуждения, тревоги и отчаяния; вера может происходить из таких чувств и может стать путем для их преодоления, а возможно, что все это будет существовать в некоем единстве. Теология предполагает, как уже было отмечено, учение о Боге, созданное на основании текстов Откровения и связанное с теистическими религиями (т.е. принимающими доктрину личного Бога); это учение может быть выражено как в рационально-логической форме, так и в форме мистико-интуитивного созерцания, озарения. Экзистенциальная теология отражает извечное столкновение между философской рефлексией и религиозными догматами¹³ и показывает, как каждое из них формирует другое. Экзистенциальный теолог бросает вызов философу (часто обе фигуры — одно лицо), говоря о «заинтересованности» и «вовлеченности» человеческого мышления; а философ бросает вызов теологу, говоря о «религиозных узак» и догматах в свете того, что можно объяснить и обосновать логически.

Сама программа экзистенциальной философии (будь она религиозной или атеистической) – заменить классическую «философию сущностей» (*essentia*) философией человеческого существования (*existentia*) – предполагала, что проблема человека не просто выдвигается на первый план (это уже было в европейской философии начиная с эпохи Возрождения), но что сам человек становится сложнейшей проблемой, а точнее – загадкой или тайной. Экзистенциальная философия давно стала классикой, но не осталась в прошлом, XX столетии. Пафос уникальности человеческой личности и бессилие разума постичь её – этот прорыв европейской мысли останется с человечеством навсегда.

¹³ Извечная антиномия европейской интеллектуальной культуры - бытие и Бог, философия и теология, Афины и Иерусалим. Вопрос о соотношении философии и теологии встал для мыслителей XX века с небывалой остротой.